

ПЕРСОНА
ДИАЛОГ

БЕЛЛА ПОЭТЫ ЕСТЬ — А КАК ИНАЧЕ?

Примадонна российской поэзии почти не дает интервью.

Но, видно, так сошлись звезды на московском июльском небосклоне, что **небожительница поэтического Олимпа согласилась на «блиц» для «Вечерки».**

АХМАДУЛИНА

Владимир НУЗОВ

— Белла Ахатовна, какое событие, случившееся в течение последних недель, вы считаете для себя главным?

— Посещение Папой Иоанном Павлом II Украины. Я усмотрела в этом визите — а я крещеная — истину, что Бог един, что вражда, составляющая часть нашей жизни, должна быть преодолена. Милость ко всему живому соответствует всем религиям, равно как и Бог есть любовь ко всем народам и исповеданиям.

— Ну а из светских событий? Вот, например, на Московском кинофестивале вы были?

— Не была, не знаю почему, но не была. Джек Николсон хороший актер, но зачем надо было приглашать его, если многие наши актеры — не хуже. Когда я была в Америке, меня пригласили в гости, где был Джек Николсон. Потом спрашивают: «Ну как вам Джек?» Я ответила,

что он хороший актер, но как человека я его не знаю.

— В шестидесятые годы вы собирали полные залы любителей поэзии. Сейчас есть поэты, способные повторить ваш «подвиг»?

— Поэты есть — а как же иначе? Но время сейчас другое. Пастернак говорил вечности, мы говорили своему времени.

— Хотя не все великие художники почитали Пастернака, Набоков, например.

— Я знала Владимира Владимировича, была у него короткое время в гостях в Швейцарии. На беду, недавно умер его единственный сын Дмитрий. Когда мне сказали об этом, я подумала, что это страшный сон, и спрашивала с некой надеждой своего мужа: Боря (художник Б. Мессерер. — В. Н.), мне сон приснился, что Дмитрий Владимирович умер, или это, увы, правда?

— Белла Ахатовна, а как складывается судьба ваших дочек?

— Очень хорошо складывается, потому что они добрые, скромные, почтительные. Воспитание не есть назидание, тем более — не наказание.

— Вам как поэту безразлична судьба русского языка. Как вы отнеслись к несостоявшейся попытке реформы русского языка?

— Слава Богу, что она не состоялась. Заслуженный профессор, чье имя называть не стану, предлагал иностранное слово жюри писать через «у». Он забыл, наверное, что есть совершенно другое русское слово — журить. Получилась бы полная путаница, если бы пожелания того профессора стали законом. Пушкин говорил:

*И назовет меня всяк сущий
в ней язык...*

Язык, по Пушкину, это и есть народ, невозможно ставить опыты над народом.

— Вы, как и Александр Сергеевич, родились в Москве. Где конкретно?

— В Екатерининской больнице, что на Страстном бульваре. А потом, до войны, жила в 3-м Доме Советов, когда оттуда каждую ночь увозили арестованных. И вот еще одно довоенное воспоминание, которому никто не верит. Когда открылась выставка достижений чего-то, родители повели меня туда, я плакала, хотя в утешение мне купили виноград, название которого я помню с тех пор: дамские пальчики.

— Вас эвакуировали из Москвы?

— Не сразу, потому что я заболела корью. Бабушка сказала: «К тому мальчику не подходи, он болен, у него корь». Ну как же я могла не подойти к больному мальчику и не пожалеть его! И девочек своих я учила тому же: жалеть!

— Ну а потом где вы жили, какие уголки Москвы вам ближе всего?

— У меня есть стихотворение, начинающееся так:

Я школу Гнесиных люблю...

Долгое время мы прожили в том районе, у Бориса до сих пор мастерская на Поварской, бывшей улице Воровского. А сейчас наш дом находится на Ленинградском проспекте, рядом с улицей Правды и фабрикой «Большевик».

— Политика вас совсем не трогает, Белла Ахатовна?

— Отчего же. В первый раз я хочу публично поблагодарить Путина, с которым незнакома, за продление запрета смертной казни в России. Мой сосед по дому — замечательный человек, писатель Анатолий Приставкин, волнующийся за свою комиссию. Это волнение передалось и мне. (Президент Путин намерен упразднить независимую комиссию по помилованиям, возглавляемую А. Приставкиным, и назначить вместо нее «ручную» комиссию из госчиновников. — В. Н.)